

E.N. Varnikova, N.N. Zimicheva

**MODERN VILLAGE ZOONYMICON
(on the material of animal names in the village of Goritsy of the Vologda region)**

The article focuses on the animal names in the village of Goritsy of the Vologda region and presents the modern village zoonymic system. The author defines groups and clusters of this system, as well as lexico-semantic and derivational distinctions of zoonyms. The author traces the disappearance not only of the main clusters of zoonyms (which are animal names of horses and cows) from the active usage, but also of the non-basic clusters such as animal names of sheep, goats, geese, chickens, etc. In the rural zoonymic system, animal names of dogs and cats still save the central position, and animal names of parrots, hamsters and tortoises, etc. have appeared in the periphery. Thus it is possible to conclude that there is a certain convergence of rural and urban zoonymic systems. In the circumstances of the crisis of animal husbandry in Russia, this process can be noticed in many areas of the northern and central Russia. The main features of modern Russian zoonymic system are revealed in the animal naming in the village of Goritsy: formal attitude to animal naming, lexical expansion of the nominative basis, widespread of anthropozoonyms, etc.

Zoonym, rural zoonymic system, the village of Goritsy, the Vologda region.

УДК 811.161.1

B.B. Карпова

Вологодский государственный университет

**ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ
КОНЦЕПТ «ЧУДО» В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ**

*Статья подготовлена при финансовой поддержке ВРО РГО
(проект «Народная речь Вологодского края: опыт функционально-типологического исследования»)*

Вопрос динамики в составе языковых средств, репрезентирующих концепт чудо, на примере фольклорных текстов является актуальным в силу своей неисследованности. Данная статья преследует цель рассмотрения некоторых средств репрезентации концепта чудо в текстах волшебных сказок, записанных на территории Вологодской области. В ней содержатся иллюстрации языкового выражения категорий чудесного: чудесный противник, чудесный супруг (супруга или иной родственник), чудесная задача, чудесный помощник, чудесный предмет, чудесная сила или знание (умение). Вышеуказанные категории описываются на примере текстов записей из нескольких сборников, в том числе сборника народных русских сказок А.Н. Афанасьева. В статье также указаны альтернативные пути исследования изменений в составе языковых средств, описывающих концепт чудо, в текстах волшебных сказок. Подробное описание получают данные лингвистического эксперимента, суть которого состоит в создании авторского текста, принадлежащего к жанру экологических сказок.

Концепт, концептуализация, рефрейминг, концептуальная инверсия, волшебная сказка (ВС), экологическая сказка.

Концептуализация – постоянно продолжающийся процесс как в обществе, так и в индивидуальном сознании. Изменения в общественной жизни и, как следствие, изменения в массовом сознании отражаются на содержании концептов. Язык выступает одним из способов формирования и отражения концептов. Ядерные представления о явлениях окружающей действительности закрепляются в языке на уровне лексической, словообразовательной, фразеологической систем. Факультативные же или новые знания об этих явлениях находят отражение в ассоциативно-дискурсивных реализациях. Одновременно возникают новые концепты.

Сама структура концепта предполагает включение в ее состав элементов, подтверждающих изменчивость внутри концепта. Научные изыскания С.Г. Воркачева [4], В.И. Карасик [5], Г.Г. Слышикина [12], М.В. Ники-

тина [7] в области когнитивной лингвистики объективируют очевидную неоднородность концепта. Если обратиться к структуре концепта, выделенной Ю.С. Степановым [13, с. 48], то можно увидеть распределение составляющих концепта по признаку носителя различного сознания: 1) наиболее актуальный, основной признак, в котором концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средство их взаимопонимания и общения; 2) «пассивный», дополнительный, неактуальный, исторический признак на фоне основного. Концепт актуален лишь для некоторых социальных групп. При этом во всех случаях актуализируются «исторические», «пассивные» признаки концепта главным образом при общении людей внутри данной социальной группы, при общении их между собой, а не во вне, с другими группами; 3) внут-

ренняя форма, или этимологический признак, или этимология, не осознается в повседневной жизни, открывается лишь исследователям и исследовательми. Но это не значит, что для пользующихся данным языком этот слой содержания концептов вообще не существует. Он существует для них опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений. Если проецировать данную модель организации структуры концепта *чудо* на волшебную сказку, то получим следующее: 1) восприятие концепта *чудо* в ВС рядовым носителем языка или *бытовое понимание* концепта *чудо*; 2) восприятие концепта *чудо* сказочниками или *профессиональное понимание чуда в ВС*; 3) *исследовательское понимание концепта чуда в условиях сказочного пространства*. Особенno ценным в рамках данной статьи будет описание концепта *чуда* в контексте второго элемента структуры, поскольку именно индивидуально-авторская подача материала, его организация и наполнение традиционных сюжетов будут интересовать нас в первую очередь.

Наличие в структуре концепта образа и интерпретационного поля наряду с информационным ядром, выделенных З.Д. Поповой, И.А. Стерниным [9, с. 75–76], также свидетельствует о различном формировании концептов в онтогенезе и филогенезе, различном существовании в сознании личности. Наиболее продуктивными с точки зрения исследования неоднородности структуры концепта будут описания образной составляющей и интерпретационного поля, поскольку образ может быть как сугубо индивидуальным, так и стандартизованным в народном сознании, а интерпретационное поле может быть описано как множественное перечисление порой даже противоречивых когнитивных признаков, интерпретирующих информационное содержание концепта.

Однако изменения концептов могут быть представлены не только в статическом плане с помощью описания структуры, но и в динамическом. Это может быть *исчезновение* концепта. Например, русский концепт *местничество*, который играл большую роль в жизни российского общества и государства в 16–17 вв., научный концепт *эфир*. Это может быть *угасание* (В.И. Карасик) концепта. Например, угасает в русской концептосфере концепт *кротость*, концепты *гнедой*, *каурый*, *буланый*, *вороной* [9, с. 87]. Это может быть *концептуальная инверсия*, понимаемая Н.Н. Белозеровой и Л.Е. Чуфистовой как концептуальные преобразования в исторической перспективе. Исследуя переменные параметры концептов *рыцарь* и *месть*, т.е. семантемы, содержание которых зависит от культурно-исторического контекста, от конкретных носителей концепта, от социальной среды носителей, исследователи приходят к выводу о травестировании описываемых концептов [2, с. 56–57]. Близким по смыслу к явлению концептуальной инверсии является термин, предложенный Дж. Лакофтом, *рефрейминг*, предлагающий «процесс повторного мышления», порой концептуальный пересмотр одного и того же явления. *Концептуальные инверсии* видят важным обращение к культурно-историческому контексту, тогда как *рефрейминг* концентрируется на ценностном компоненте, поскольку процесс реконцептуализации по Дж. Лакоффи означает, что «цель, определяемая каким-то

образом в одной системе ценностей, переносится в другую, совершенно отличную систему» [1, с. 73].

Исследователь Е.М. Абышева рассматривает концептуальные инверсии концепта *чудо* на материале русских и ирландских поговорок и сказок и приходит к выводу о том, что концепт *чудо* был подвергнут профанизации и дальнейшей сакрализации [1, с. 74]. Инвертейм при инверсии русского концепта *чудо* послужили бинарные оппозиции *церковь-кабак*, *холоп-барин* [1, с. 202]. Причем из 50 русских сказок анализу подвергнуты лишь 10 синкетических сказок бытовых и волшебных.

Таким образом, видим, что описание концептуальных изменений становится все более актуальной темой для исследований, лежащих в рамках когнитивной лингвистики. Путей для описания динамики концепта *чудо* по отношению к волшебной сказке может быть несколько: сравнительный анализ сказочных текстов, записанных в различное время; анализ содержания вновь переиздаваемых сборников сказок с целью выявления наиболее часто воспроизводимых текстов; анализ текстов авторских волшебных сказок; лингвистический анализ содержания сайтов, посвященных волшебным сказкам; проведение лингвистических экспериментов с участием современных носителей языка и т.д.

На наш взгляд, динамика текста фольклорного – особая динамика и постоянная, поскольку условия бытования сказочного текста предполагают как сохранность передаваемого рассказчиком сюжета, традиционных формул, оценочных эпитетов и т.д., так и «личное», «авторское» начало хотя бы даже в выборе из перечня традиционных средств повествования. Динамика концепта *чуда* по отношению к волшебной сказке могла бы быть рассмотрена начиная с мифа и десакрализации мифологических образов. Однако в рамках данной статьи нас будут интересовать изменения в составе репрезентативных форм (лексем) концепта *чудо* внутри уже сформировавшегося жанра волшебной сказки.

С этой целью нами были проанализированы тексты записей волшебных сказок из сборника «Вологодские сказки конца XIX – начала XX века» [3]. В сборник вошли сказки, записанные на территории западных районов Вологодской области в период с 1979 по 2004. Сборник вводит в научный оборот новые тексты, позволяет проследить процессы эволюции и закономерности бытования народной сказки. Данный сборник ценен тем, что в текстах (всего 37 (№ 36–72) волшебных сказок) сохранены диалектные особенности речи сказочников, отклонения в морфологических и синтаксических конструкциях, что позволяет анализировать вербально-семантическую составляющую сказочного текста.

В первую очередь нас интересовали словоформы, описывающие семантические группы *чудесного*: *чудесный* противник, *чудесный* супруг (супруга или иной родственник), *чудесная* задача, *чудесный* помощник, *чудесный* предмет, *чудесная* сила или знание (умение).

Сравнительный анализ словоформ указанных выше семантических групп дополнительно основывался на данных следующих сборников: сборник народных русских сказок А.Н. Афанасьева (собраны с

1855 по 1863) [6] и сборник сказок Белозерского края Б.М. и Ю.М. Соколовых (собраны с 1908 (Белозерский уезд) по 1909 (Кирилловский уезд)) [8], [11]. Как видим, исследуемые сборники разделяют достаточный временной промежуток для того, чтобы описать изменения в составе репрезентирующих концепт лексем. Причиной изменений можно видеть трансформирующуюся под влиянием изменений в обществе культурное сознание сказочника. 37 сказкам из сборника «Вологодские сказки конца XIX – начала XX века» соответствует 43 сказки из сборника А.Н. Афанасьева и 16 сказок из сборника братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых.

Первоначально хотелось бы отметить языковые замены на уровне сказочных функций, выделенных В.Я Проппом и являющихся основополагающими в определении волшебных сказок. Среди структурных особенностей волшебной сказки следует отметить новое наполнение элемента отлучки. Традиционными формами отлучки являются: на работу, в лес, торговать, на войну, «по делам» [10, с. 23]. Например, «Надо было князю ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках» (Аф. 265). В текстах записей сказок после А.Н. Афанасьева мотив отлучки представлен преимущественно «по делам» с использованием нового статуса главы государства – начальник: «Сарь сам уехал куда-то там, вообще, мало ли, по делам по своим. ...Ну ланно, мужа нету из командировки, она родила. ...И приехал муж, этот самый начальник-от...» (Вологод. ск. № 57); «...а он, видишь, каким-то там был, что везде уезжал в командировку. Вот приезжает домой, оне ему ничо не сообщали, он не писал» (Вологод. ск. № 64); «Ну, и он уехал куда-ты учиться или сдавать, или он учился да курсы сдавать уехал...»/«[он уехал] в командировку» (Вологод. ск. № 65); «...его на собрание потребовали» (Сок. № 42).

Функция «Герой вступает в брак и воцаряется» [10, с. 50] представлена соответственно изменениям в государственном строе, акцент делается на продвижение по карьерной лестнице: «И в то времё-то сделалось, как у нас, совец'кая влась, совец'коё и там, верно. Коухоз и вот ёво и посадили предчедатёвом» (Вологод. ск. № 36); «Дак потом этова Ванюшку, вот и дураток, эво так повысили, это царь-то, дак уж Ванюшке и цены не было!» (Вологод. ск № 49). Реакцию на воцарение героя в современных записях демонстрирует публика: «Публика всё ево на ура, знает, на ура» (Вологод. ск. № 61); «Весь народ, вся публика» (Вологод. ск. № 59). Вообще обращение к другим действующим лицам звучит как: «Граждане, – говорит, – вот такой-то цветик я сорвал...» (Вологод. ск. № 67). Ср. у А.Н. Афанасьева обращение к родителям убитой девочки в сказке со сходным сюжетом «Чудесная дудка»: «Батюшка, пусти переночевать!» (Аф. 244). Или: «Господа корабельщики...» (Сок. № 42). А также: «Давай, гражданин, ты-то записывайся» (Вологод. ск. № 58).

Наблюдаются случаи, когда автор сам объективирует использование новых словоформ: «... а на земле лежит застул (раньше ведь звали застул или оковалёнка, вот как звали, а топерь-то ак лопата)...» (Вологод. ск. № 68); «Плотник сделал, наподобие, как назвать, самолёта, или там раньше называли ковёр-самолёт» (Вологод. ск. № 62). Только одна словоформа такого рода описывает волшебный предмет

(самолёт). Иногда автор на определенном этапе повествования отсылает к увиденному, а не услышенному: «(Это в кине)» (Вологод. ск. № 56 «Как гуси утащшили»). Или: «(Это в кине казали 2 раза)» (Вологод. ск. № 45). Такие случаи можно квалифицировать как своеобразное объяснение автором происходящих чудесных событий, последовательность которых необходимо восстановить в рассказе.

Текстовое пространство сказки становится все более наполнено обозначениями достижений техники: средство передвижения: «Шлюпка с матросами ждала у берега» (Вологод. ск. № 37); оружие: «А эшио дам тебе револьвер шестиствол. Заряжай, – лучшие мины всякие разнесет, что потребуется» (Сок. № 140 (71)); «...взял он винтовоську – и покатили с матерью по белому свету» (Вологод. ск. № 43); «Берёт динокль, смотрит, знает, в подзорную трубу... давай шлюпку опускай!» Из шлюпки: «Азбуку Морзе раз-два! – туды на корабль, понимаешь, – “Скорую помощь” быстро!»; «Вдруг ифнёй кораб как раз шел из Англии. Он видит по флагу, знает, и азбуку Морзе. Азбуку Морзе: «К берегу, на помощь» (Вологод. ск. № 45); покойник, который «выше телеграфныи столбов идет» (Вологод. ск. № 47); «Обнаружили братья, что у Ивана Сапожкова клеймо: «...царю живо накатали туды телеграмму» (Вологод. ск. № 58); «Плотник сделал, наподобие, как назвать, самолёта, или там раньше называли ковёр-самолёт. ...там все рычаушки нажимает... Ну, тут замаскировал свою, свой этот самолётик...» (Вологод. ск. № 62); «Сделал, это, пароходик, ли чё там, по морю поплыл» / «...ездят на пароходаф». Ср. «...сел на корабль и поплыл к острову» (Аф. № 286). Из приведённых выше примеров 2 словоформы относятся к волшебному предмету (револьвер, самолётик) и 1 словоформа к обозначению чудесного исцеления (скорая помощь).

Чудесное превращение зачастую перестает быть таковым: «Сивка-Бурка дает Ивану “омундированье”» (Вологод. ск. № 58); «...халат свой снял... в зеркало погляделы – ну!»; «Галстук, и всё на свите – куды к лешому!» (Вологод. ск. № 59). Ср., например, «...в одно ушко залез – напился-наелся, в друго вылез – оделся» (Аф. № 179); «Он в ушко влез, в другое вылез, сделался таким молодцом, так на него бы все время и смотрел» (Сок. № 63 (33)).

Оповещение о чудесной задаче все чаще приносит почтальон: «человек и сумка на боку: “А вот, пожалуйте, получите от вашего Императорска Величества пакет, письмо такоё вам”» (Вологод. ск. № 58); «Вдруг идёт почтальон из царства, подаёт пакет» / «...пришол поштальон» (Вологод. ск. № 59). Ср. «Вдруг от царя клич» (Аф. № 179); «...от царя пришло известие» (Аф. № 180). Сама суть чудесной задачи в целом зачастую остается без изменений, однако детали в ее формулировке меняются, приобретая современное звучание: «От нашева имени величества прошу приехать к нам на искурсию, посмотреть, – царевна сидит на семом этаже...» (Вологод. ск. № 58). Ср. «...если кто сорвет царевнин портрет с дому через сколько-то много бревен...» (Аф. № 179) «...храм о двенадцать столбов, о двенадцать венцов...» (Аф. № 180). Только в одном варианте сказки из сборника Афанасьева встречается сходная по значению этажу словоформа: «...хто коинно даскочиць

до ёй на треципёнтр (польск. – жилье, ярус, этаж; записано в Новогрудском районе Гродненской области) (Аф. № 181). Задача или заданье именуется виной: «чтобы в три ння была здумана какя-нибудь вина» (Сок. № 59 (30)). В этой же сказке придумывают задачу вместо царя: «царь собирает свой синод»; «...задаёт одному своему сенатору...»; «опять задаёт этому сановнику...»; «Ванюшка-Пьяничушка».

Описание чудесного помощника, коня, значительно сокращается, теряется формульность в его описании: «...топот за три километра слышно туды...» (Вологод. ск. № 59). Ср. «Сивко бежит, земля дрожит, из очей искры сыплются, из ноздрей дым столбом» (Аф. № 179); «...конь бежит, земля дрожит, из ушей, из ноздрей пламя пышет» (Аф. № 180); «Бежит Сивка бурка, вещая каурка, изо рту полымя пышет, из ушей дым столбом валил; стал конь пред ним как конь перед травой» (Аф. № 182); «Сивушко бежит, так земля дрожит, по сенной копне из копыт летит» (Сок. № 93 (46)). В описании используются современные реалии: «...ну и погнал, дак весь и асфальт сбил» (Вологод. ск. № 58). В описании чудесного помощника могут использоваться просторечные, бранные слова: «А этот человек, просто мазурик, подыскался опеть в другом одеянии» (Сок. № 138 (69)). Обладателя волшебного средства («кустышок травки») называют: «Ешио хуже сдъял дохторъ...», «Зглянула на этого фершела...» (Сок. № 54).

Уничтожение волшебного противника зачастую происходит без использования специальных чудесных средств или чудесного умения: «...взяу да у штаноу да у кальсоноу (че у него было-то) менная пуговица, он занаредил, если случайно, он знает» (Вологод. ск. № 36).

Наряду с указанными иллюстрациями проникновения в текстовое пространство лексем, отвечающих изменениям во времени, можно выделить стремление к конкретизации множества деталей. Например, чудесный помощник – рыба-дельфин (конкретизация вида). Морской царь отправляется в Россию (Сок. № 59) – конкретизация чудесного пространства, которое обычно не получает детального описания, а обозначается как «в некотором царстве, в некотором государстве». «И видит: брюки висят с красным гантом по бокам» (подробное описание волшебного предмета) (Вологод. ск. № 45). Описание жизни героини волшебной сказки включает распорядок дня: «Они Машеньку любили, в школу за рутку водили, из школы встречали» (Вологод. ск. № 39).

Финитные сказочные формулы также могут содержать лексемы, описывающие меняющиеся социальные обстоятельства: «Я созводу шел, заходил к нему, да добро живет» (Сок. № 59 (30)).

Таким образом, данные сравнительного анализа лексем, относящихся к семантическим группам чудесного, доказывают меняющийся характер концепта чудо в русской народной волшебной сказке.

Данные лингвистических экспериментов также могут расширить границы описания динамики концепта чудо. В качестве материала для наблюдения мы исследовали более 200 текстов, представленных на международный конкурс «Экологическая сказка», который проводился с 15 марта по 30 сентября 2013 года по инициативе Вологодского регионального отделения Русского географического общества [<http://vro-rgo.ru/index.php/128-mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-vro-rgo>].

На базе данных данного лингвистического эксперимента интересно было бы понаблюдать за тем, в какой мере категории, способствующие репрезентации представлений о чудесном в русской волшебной сказке, сохраняются в текстах сказок, сочиняемых современными школьниками, т.е. сохраняются ли ядерные представления о концепте и каков характер изменений в восприятии концепта чудо у современного носителя языка.

Связь «экологических сказок» с традиционной русской волшебной сказкой прослеживается уже на уровне структуры. Наблюдается обилие начинательных (инициальных), медиальных и финальных сказочных формул. Сохраняются традиционные функции, реализуемые в сюжете волшебной сказки: отлучка из дома, запрет, нарушение запрета, испытание дарителем, получение волшебного средства и др. Приведем пример *нарушения запрета*: «Они очень хотели устроить беспорядок в бору, поломать кусты, порубить деревья. Петрушик попросил мальчишек не делать этого, не портить его. Но мальчиков слезами не разжалобишь, и они начали свое грязное дело» («Лесная проблема»).

В текстах «экологических сказок» сохраняются традиционные мотивы русских волшебных сказок. Во-первых, это мотив чудесного превращения: чудесной задачи, чудесной способности, чудесного роста, чудесного предмета и его дарителя: «Ёжик её остановил и поведал ей следующее: «Я дам тебе волшебный клубочек, который покажет дорогу из леса». Клубочек покатился, а тучка полетела за ним» («Путешествие тучки»).

Состав сказочных персонажей в конкурсных текстах вполне традиционен. Это Баба-Яга (злющая бабушка Яга, Ежка), Змей Горыныч, Кощей (Кощей Бессмертный), Дед Мороз (сказочный волшебник из Великого Устюга) и др. Другие персонажи появляются в текстах детских сказок под влиянием других фольклорных жанров (сказок о животных: Ёж-волшебник; быличек: Кикимора, Леший и пр.), сказаний других народов и авторских сказок (Дракон, крестная-волшебница, злой колдун и пр.). Отрицательных героев значительно больше, чем положительных. В основном они выполняют функцию антагониста главного героя, волшебного противника. Среди волшебных противников нередки персонажи, появление которых невозможно в классической волшебной сказке. Это, например, слуги тьмы: «Они были одеты в тёмные длинные плащи с капюшонами. Во главе стояло облако в виде страшного лесного зверя с четырьмя ушами, шестью глазами, одним ртом, двумя носами и сто пятью зубами. Их предводитель, по имени Злыдень...» («Легенда Лесондрии»).

Корпус языковых единиц, репрезентирующих само чудесное действие, собственно чудо, представлен в первую очередь лексемами с корнями -чуд-, -див-, -волшеб-: чудо, чудный, чудесный, волшебный, волшебник и др. Например, «Но вот чудо! Жук вдруг начал быстро увеличиваться в размерах» («Антонова история»). При этом волшебный и чудесный в текстах экологических сказок нередко приобретают другой смысл: чистый, не тронутый человеком: «Эй вы, звери, птицы лесные, не думаете, что можно было бы

сходить до того дивного города, как они умудрились сделать так, что не их лес, не воздух, не река не загрязняются?» («Сказка о рыбке»). Во многих сказках слова с корнями -див-, -чуд-, -волшеб- утрачивают свое исходное значение, употребляясь в значении «хороший, красивый» («Погода чудесная: солнышко ярко светит, ветерок ласково дует. Кругом птички о жизни поют») («Лесная история»), «Они выбрали чудесную полянку, собрали необходимые вещи и отправились отдыхать» («Лесной пожар»)); «методичный, изысканный» («Птицы смело вили гнёзда под крышами домов и радовали людей своими чудесными песнями. Все в этой стране жили в мире и согласии») («Мудрое решение»)); «необычный» («Вечером же прилетали на болото чудные птицы с длинным, как палка, клювом и тонкими ногами и начинали за лягушками бегать, клювом щелкать. Поймают и заглатывают целиком») («Приключения клюковки»)).

Часто описание необычного, чудесного осуществляется без употребления лексем с названными ранее корневыми морфемами: «Диковинных зверей и птиц в них было видимо-невидимо» («По заслугам и честь»), «Да и как можно было быть другим в таком прекрасном месте, где все заботятся друг о друге, понимают и стараются помочь».

Зачастую чем-то волшебным становится то, что, по мнению автора, утрачивается среди людей: «*Но как же Мальчик и где тот Волшебник, о котором он говорил? А все это время и Мальчик, и Волшебник были рядом. Они помогли увидеть и осознать людям страшные последствия их потребительского отношения к Реке и природе. Имя Мальчику – Будущие Поколения! Имя Волшебнику – Ответственность!*» («Путешествие реки»).

Тексты «экологических сказок» испытывают очевидное влияние популярных в среде современных школьников авторских текстов (басня, литературные сказки, произведения современной фантастики).

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что «экологические сказки» – корпус текстов, репрезентирующих представление о чудесном, в целом свойственное русской волшебной сказке, но в весьма значительной мере трансформированное под влиянием других источников информации

о чудесном в жизни школьников. Вариативность реализации концепта чудо/чудесное достигается с помощью существования в сознании каждого современного носителя русского языка индивидуальных ассоциаций, основанных на общекультурной информации, в том числе заложенной в волшебной сказке. Исследование спектра средств и способов вербализации чудесного позволит доказать наличие динамических процессов в структуре номинативного поля исследуемого нами концепта.

Литература

1. Абышева, Е.М. Концептуальные инверсии: концепт «чудо»: на материале русских и ирландских пословиц, поговорок и сказок: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Абышева Евгения Михайловна. – Тюмень, 2008. – 128 с.
2. Белозерова, Н.Н. Шекспир и компания, или использование электронных библиотек при лингвистическом исследовании: учебное пособие / Н.Н. Белозерова, Л.Е. Чуфистова. – 2-е изд. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2011. – 296 с.
3. Вологодские сказки конца ХХ – начала XXI века. – Воскресенское, 2008. – 308 с.
4. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – Москва: Гнозис, 2004. – 192 с.
5. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. – Москва: Гослитиздат, 1958.
7. Никитин, М.В. Развернутые тезисы о концептах / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53–64.
8. Песни и сказки Белозерского края / записали Борис и Юрий Соколовы. – Москва: Изд-во Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1915.
9. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
10. Пропп, В.Я. Собрание трудов: Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Москва: Лабиринт, 1998. – 512 с.
11. Сказки Белозерского края / записали Б.М. и Ю.М. Соколовы. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1981.
12. Слышикин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Слышикин Геннадий Геннадьевич. – Волгоград, 2004. – 323 с.
13. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – Москва: Академический Проект, 2004. – 991 с.

V.V. Karpova

CHANGES IN LANGUAGE MEANS REPRESENTING THE MIRACLE CONCEPT IN RUSSIAN FOLK FAIRY TALE

The question of the dynamics of language means that representing the *Miracle* concept in folklore texts is significant because of the insufficiency of research. This article aims to analyze some means of representation of the *Miracle* concept in the records of the fairy tales collected in the Vologda region. The article contains illustrations of linguistic expression of the following *miracle* categories: a miraculous opponent, a miraculous husband / wife (or other relative), a miraculous challenge, miraculous assistant, a miraculous object, miraculous power or knowledge (skill). The author describes the above categories on the examples of several collections of fairytales including A.N. Afanasyev's collection of Russian folk tales. The article also contains some alternative ways of studying changes of the linguistic means of the *Miracle* concept. The detailed description is given to the linguistic experiment data on creating the authors' texts in the genre of the environmental fairy tale.

Concept, conceptualization, reframing, conceptual inversion, fairy tale, ecological fairy tale.